

Ирина Кибина

**Немецкие колонистские
сообщества Санкт-Петербургской
и Новгородской губерний. Часть 1**

«Автор»

2026

Кибина И.

Немецкие колониетские сообщества Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. Часть 1 / И. Кибина — «Автор», 2026

«Немецкие колониетские сообщества Санкт-Петербургской и Новгородской губерний» — научно-документальная история немецких сельскохозяйственных колоний Северо-Запада России с XVIII века до 1917 года. Книга рассказывает не только о переселении немецких семей в Российскую империю, но прежде всего о том, как за несколько поколений возникли и развивались их сообщества. Как переселенцы обустроивали хозяйства, создавали семьи, воспитывали детей, сохраняли традиции, взаимодействовали с соседями и приспособлялись к изменениям российского общества. На основе исторических исследований, архивных документов, первоисточников и семейных историй автор восстанавливает мир, в котором жили несколько поколений немецких колонистов, соединяя историю государства с повседневной жизнью людей.

© Кибина И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Кибина

Немецкие колониетские сообщества Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. Часть 1

ИРИНА КИБИНА

НАУЧНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Немецкие колониетские сообщества

Санкт-Петербургской и Новгородской губерний

Два столетия социальной, экономической и культурной истории. XVIII — начало XX века

ЧАСТЬ I · 859–1766

НУЛЕВОЕ ИЗДАНИЕ · ОКТЯБРЬ 2026

© Ирина Кибина, 2026

Все права защищены. Исключительные права на текст и составление настоящего издания принадлежат автору — Ирине Кибиной.

Воспроизведение, распространение и иное использование текста допускаются с разрешения правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Немецкие колониетские сообщества Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. Два столетия социальной, экономической и культурной истории. XVIII — начало XX века.

Часть I. 859–1766. Научно-документальное издание.

Нулевое издание · 22 октября 2026 года

Об использовании технологий искусственного интеллекта

При подготовке настоящего издания использовались технологии искусственного интеллекта в качестве вспомогательных инструментов для систематизации и анализа исследовательских материалов, разработки и совершенствования структуры и композиции книги, научного и литературного редактирования, унификации справочного аппарата, а также макетирования и книжной вёрстки.

Исследовательский замысел, исторические интерпретации, отбор и осмысление материалов, а также окончательные редакционные решения принадлежат автору. Ответственность за содержание книги, достоверность исторических сведений и корректность ссылок несёт автор.

От автора

Эту книгу я написала потому, что сама очень нуждалась в такой книге, когда только начинала восстанавливать историю своих предков около пятнадцати лет назад.

Поначалу мне просто хотелось установить имена, даты, места рождения и смерти, проследить переселения и разобраться в родственных связях. Постепенно я поняла, что даже самая подробная родословная отвечает лишь на часть вопросов: она называет имена и даты, но почти ничего не рассказывает о том, как жили люди.

За именами в архивных документах стояли люди, о жизни которых я почти ничего не знала. Меня всё больше занимал вопрос: как они жили? Мне хотелось понять, в каком мире они и их дети выросли, почему принимали те или иные решения, чего ожидали от переселения, как устраивали хозяйство, о чём мечтали, чего остерегались, как растили детей, учились, работали, переживали неудачи и находили новые возможности.

В истории моей семьи есть обстоятельство, которое до сих пор кажется мне удивительным. Две совершенно не связанные между собой пары моих предков, по отцовской и материнской линиям, — **Кристиан и Катерина Кюблер, Кристоф и Марианна Пиес** — в 1809 году прибыли в Россию в составе общей второй партии немецких переселенцев с прусских земель.

Они проделали общую дорогу от Радзивилова до Санкт-Петербурга в одном обозе, 5 сентября 1809 года приняли **присягу на верность Государю** в Новосаратовской церкви, были участниками одних переселенческих событий, прошли через одни и те же административные обстоятельства. Но у каждой семьи были собственное прошлое, причины переезда и дальнейшая судьба.

Мне неизвестно, какими были отношения между ними, насколько близко 2 семьи знали друг друга и о чём разговаривали за годы соседской жизни. И всё же мысль о том, что две линии моей семейной истории оказались рядом задолго до того, как встретились мои мама и папа, стала для меня особенной.

Чтобы понять историю этих и других семей, пришлось выйти далеко за пределы генеалогии. Невозможно объяснить их решения, не зная, что происходило в германских землях и Пруссии в начале XIX века, как действовала российская переселенческая политика, на каких условиях предоставляли землю, какие обязательства принимали колонисты и насколько реальная жизнь отличалась от государственных обещаний.

Так постепенно возник замысел этой книги. Мне хотелось собрать в одном повествовании то, что самой приходилось искать в десятках исследований, сборников документов, архивных описей и семейных историй. Не просто восстановить последовательность переселений, а попытаться увидеть **целостную картину жизни немецких колониетских сообществ Санкт-Петербургской и Новгородской губерний** — от обстоятельств возникновения до того времени, когда внуки и правнуки первых переселенцев уже считали Россию своей родиной.

Книга задумана в **пяти частях**. Её нынешний план включает **восемнадцать глав** и охватывает историю от второй половины XVIII до 1917 года, с обращением к более ранним событиям, необходимым для понимания её истоков. Перед читателем пока только **первая часть** — начало большого повествования, которое должно последовательно связать государственную переселенческую политику, жизнь отдельных семей и историю сообществ, возникавших и менявшихся на протяжении нескольких поколений.

Разумеется, создать исчерпывающую историю невозможно. Сохранились далеко не все документы, некоторые события известны лишь в изложении позднейших исследователей, а судьбы множества людей почти не оставили письменных следов. Но мне представлялось важным собрать то, что уже известно, сопоставить разрозненные сведения, показать связи между событиями и честно обозначить то, чего мы пока не знаем.

Эта работа была бы невозможна без историков, которые задолго до меня начали изучать немецкие поселения, разыскивать документы, восстанавливать устройство колоний и судьбы их жителей. Особое значение для моей работы имели исследования **И. В. Черказыановой, Е. В. Бахмутской, Н. С. Федорук** и многих других авторов, чьи труды позволили увидеть события значительно шире отдельных семейных историй. **Я глубоко признательна этим ученым**. Многие из них посвятили этой теме годы и десятилетия, и без накопленного ими знания моя попытка создать целостное повествование была бы просто невозможна.

Есть и другой круг людей, без которых эта книга не могла бы появиться.

За многие годы вокруг истории немецких колоний Санкт-Петербургской и Новгородской губерний сложилось **неформальное содружество потомков**. Сегодня оно связывает около пятисот человек. Среди нас люди разных возрастов и профессий, живущие в разных городах и странах. Одни занимаются семейной историей десятилетиями, другие только начинают поиски.

Кто-то находит архивные документы, кто-то разбирает старые фотографии, читает метрические книги, восстанавливает родственные связи, делится семейными воспоминаниями.

В таком сообществе особенно ясно понимаешь, насколько много может сделать человек, который просто не оставляет найденное у себя. Один документ помогает восстановить чужую родословную. Знакомая фамилия связывает две семьи. Уточнённая дата заставляет по-новому прочесть давно известное событие. Из подобных, на первый взгляд небольших открытий постепенно складывается **общее знание**, которое невозможно создать в одиночку.

В этой книге мне особенно хочется сохранить память о тех, кого уже нет рядом с нами, — **Анатолии Гевейлере, Елене Плетцер-Арсеньевой, Алексее Большакове**. Они принадлежали к числу создателей сообщества, людей, для которых сохранение истории колоний и их семей было важной частью жизни. Их труд, найденные ими документы, знания, которыми они делились, и сама готовность помогать другим продолжают жить в нашем общем деле. Я хотела бы, чтобы эта книга стала в том числе выражением благодарности и памяти о них.

С не меньшей теплотой я хочу поблагодарить тех, кто продолжает эту работу сегодня. Особая моя благодарность **Марине Меллин, Евгению Биллеру, Елене Паль, Анне Диркс, Татьяне Риттер**, а также многим другим участникам нашего сообщества — за щедрость, с которой они делятся знаниями, документами, результатами собственных исследований, за помощь, советы и готовность вместе искать ответы на непростые вопросы. Здесь стоит сказать об одной особенности нашего сообщества. Не все имена, под которыми мы знаем друг друга, совпадают с именами в паспортах. Некоторые были выбраны в память о предках, о прежней семейной фамилии, иногда утраченной несколько поколений назад. Это имена не по документу, а **по памяти и по сердцу**. Возможно, именно в этом проявляется что-то очень важное для людей, занимающихся историей своих семей: желание не только узнать прошлое, но и вернуть ему место в собственной жизни.

Я благодарна всем, кто помогал и помогает мне. У этой книги один автор, но за ней стоит труд множества людей. Без нашего неформального содружества ее бы не было или она была бы совсем другой — и, вероятно, никогда не приобрела бы той глубины, к которой я стремилась.

Перед вами — **нулевое издание только первой части**. На работу над этой книгой, как, впрочем, и над другими, пока, правда, лежащими в черновиках, меня вдохновил **Айке Пиес (Eike Pies)**, мой примерно десятиюродный брат по материнской линии, немецкий театровед, историк, журналист, писатель и издатель. Истории семьи Пиес Айке посвятил всю свою жизнь и без его заботы и профессионального менторства точно этой книги бы не было.

Я сознательно выбрала определение «**нулевое издание**». Это уже законченный этап работы над книгой, но не окончательный её вариант. В настоящем издании пока нет иллюстраций, карт и фотографий, которые могли бы существенно дополнить рассказ. Зато я постаралась сохранить подробный ссыльный аппарат, позволяющий обращаться к первоисточникам, проверять изложенные обстоятельства и отличать документально установленные факты от исследовательских предположений.

Мне хотелось бы, чтобы нулевое издание стало не только книгой для чтения, но и основанием для **дальнейшей совместной работы**. Я буду искренне благодарна за исправления, уточнения, новые документы, семейные свидетельства, замечания к историческим интерпретациям и любые предложения, которые помогут сделать следующее издание точнее, полнее и интереснее.

Особенно ценны аргументированные возражения: они заставляют вернуться к источнику и иногда обнаружить то, что при первом чтении осталось незамеченным.

Я надеюсь, что после окончания работы над пятью частями появится полноценное иллюстрированное книжное издание — с картами, фотографиями, документами и всеми необходимыми дополнениями.

Когда я начинала свои поиски, мне не хватало книги, которая помогла бы понять мир моих предков. Теперь мне хочется, чтобы такая книга была у других потомков немецких колонистов — и у каждого, кому интересна история людей, на протяжении нескольких поколений создававших свои дома, семьи и сообщества на земле, ставшей для них и их потомков родной.

Успехов вам в ваших поисках!

Ирина Кибина

22 октября 2026 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

859–1766

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТСКИЕ СООБЩЕСТВА

ПРОЛОГ

От Великого Новгорода до Петра Великого

«...в Новгородѣ безъ пакости, не обидимъ никымъже».

Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами, конец XII века.

В конце XII столетия новгородцы и купцы с другого берега Балтийского моря решили подтвердить «старый мир». Не заключить первый договор, не открыть торговлю, а сохранить порядок, который уже существовал. По морю ходили суда, на рынках продавали меха и воск, одалживали деньги, спорили о долгах. Чтобы такая взаимовыгодная торговля продолжалась, одной надежды на добросовестность партнёра было недостаточно. Требовалось заранее условиться, кто ответит за неполное выполнение обязательств, продажу некачественного товара, нанесённый ущерб, с кого можно взыскать долг и как защитить приезжего торговца вдали от дома. 1

В одном из положений сохранилось короткое требование: «нѣ емати свое у виновата» — добиваться возмещения от виновного. Оно не позволяло произвольно отвечать за чужую задолженность только потому, что должник и пострадавший принадлежали к одной торговой стороне. Перед нами очень старый документ, написанный языком, непривычным современному читателю. Но заботы его составителей понятны без перевода: сберечь товар, получить причитающееся, вернуться домой и не потерять имущество из-за поступка постороннего человека. 2

Позднейший список этой грамоты дошёл до нас на одном пергамене с другим договором, относящимся к 1262–1263 годам. Издатели датировали ранний текст 1189–1199 годами; предложенная исследователями более узкая датировка — 1191/1192 год — остаётся именно исследовательским уточнением. Важнее, однако, то, что грамота удостоверяет уже сложившиеся к тому времени отношения между людьми разных земель. Ни одна из сторон не могла заранее знать, что через несколько столетий у устья Невы возникнет Петербург, а рядом с ним и потом рядом с Новгородом — немецкие земледельческие поселения. 3

Историю немецких земледельческих колоний России принято начинать с манифестов Екатерины II. Для истории их государственного основания это естественный рубеж. Но он недостаточен, если предмет исследования — не только возникновение поселений, но и формирование сообществ, передача опыта совместной жизни людей разной культуры от поколения к поколению.

Задолго до екатерининского приглашения на Северо-Западе существовали устойчивые отношения между людьми разных земель и подданств. Здесь торговали, заключали соглашения, нанимали мастеров, устраивали приходы, создавали семьи и передавали профессиональные знания. Эти отношения возникали в разные эпохи, под властью разных государей и не составляли единого исторического процесса.

Однако их изучение помогает поставить вопросы, необходимые для понимания будущих колониетских сообществ. Как складывались условия совместной жизни? Что обеспечи-

вало исполнение обязательств? При каких обстоятельствах временное присутствие становилось постоянным? Как изменялись связи между приезжими и местными жителями?

Именно поэтому повествование начинается намного раньше екатерининских и даже петровского манифестов. Не ради поиска древних предков немецких колонистов и не ради доказательства прямой преемственности, которой документы не подтверждают. Оно начинается с истории отношений, в которых людям приходилось согласовывать собственные интересы, находить способы сотрудничества и устраивать общую жизнь.

Связывать новгородских купцов прямой родословной с будущими колонистами было бы неверно, но в основе отношений с другими сторонами и у тех, и у других лежал договор. Между торговым двором средневекового города, московской Немецкой слободой и сельской колонией XVIII века лежат разные эпохи, учреждения и правовые порядки. Нас интересует другая, более глубокая связь: как незнакомые прежде люди начинали работать рядом, какие условия делали их отношения устойчивыми и как временное присутствие иногда превращалось в жизнь нескольких поколений.

В этой предыстории встретятся не только немецкоязычные купцы. Здесь будут греческий живописец, итальянский строитель, нидерландский предприниматель, французские мастера-вые и шотландский офицер. Слово «немец» в источниках разных веков не всегда совпадало с его нынешним этническим значением. Место рождения, язык, вера и подданство составляли разные стороны человеческой принадлежности. Не следует соединять столь непохожих людей в одно воображаемое сообщество. Их истории позволяют понять, как на русской земле складывались способы сотрудничества, которыми впоследствии пользовались и другие приезжие.

Государь мог издать грамоту, разрешить торговлю или нанять мастера. Но за этим началась повседневная работа. Кому-то предстояло встретить человека в дороге, отвести ему помещение, купить продовольствие, найти работников и объяснить условия на понятном языке. Купец, ремесленник и местный житель участвовали в таком деле каждый по-своему. Через эти негромкие, редко попадавшие в летописи заботы и проходила настоящая история отношений.

Новгородский мир и заморские купцы

Балтийская торговля начиналась задолго до того, как новгородский товар попадал на заморский рынок. Его доставляли по рекам и сухопутным дорогам, перегружали, передавали перевозчикам, везли морем. В чужом городе нужно было уплатить пошлины и найти покупателя. На обратном пути возникали новые расходы и новые опасности для имущества. Купец зависел от десятков людей, которые не были его родственниками и не находились под властью одной городской администрации. Для дальнего обмена требовалось доверие; договор позволял не полагаться только на него.

В начале новгородской грамоты названы князь Ярослав Владимирович, посадник Мирошка и тысяцкий Яков. Другую сторону представлял Арбуд. Сами купцы могли договориться о цене мехов или воска, но *им было не под силу единолично установить общий порядок взыскания долгов и охраны приезжих*. Это требовало участия властей. Поэтому торговый мир обсуждал не только товары, но и проезд, ответственность за насилие и ущерб, взыскание задолженности, положение гостей в обстоятельствах, которые отдельный торговец не мог контролировать. 4

Слово «мир» не означало исчезновения соперничества. Продавец хотел получить больше, покупатель — заплатить меньше; город заботился о пошлинах и собственных преимуществах. Однако все нуждались в возможности продолжать обмен. Соглашение создавало для этого известные обеим сторонам границы. Когда возникал спор, можно было обращаться не только к силе или чужой милости, но и к статье, принятой заранее.

Остаётся трудный для историка вопрос: насколько хорошо этот порядок соблюдали? Грамота удостоверяет содержание договорённости, но не успех каждого последующего дела. Для

ответа приходится искать решения по отдельным претензиям, позднейшие соглашения, письма и упоминания об изменении обычая. Именно здесь торговая история перестаёт быть историей одного пергамена.

Два двора в чужом городе

Дальняя торговля нуждалась в постоянном месте, даже если сами торговцы приезжали лишь на сезон. В Новгороде существовали Готский двор с церковью Святого Олафа и Немецкий двор с церковью Святого Петра. Последний называли Петергофом — это название не имеет отношения к будущему пригороду Петербурга, хотя совпадение выглядит интересно. За воротами купцы заключали сделки с новгородцами, а внутри двора хранили имущество, жили, молились и устраивали дела своего объединения. 5

Летних гостей сменяли зимние, одни возвращались за море, другие появлялись на следующий год. Двор оставался. Нужно было содержать помещения, обеспечивать хранение товаров, распределять обязанности и выбирать старост, которые могли говорить от имени приезжих. В этом заключался один из важных результатов торговых связей: для продолжения общего дела создавали *учреждение, чья жизнь не зависела от непрерывного присутствия одних и тех же людей*.

Немецкий двор со временем стал одной из важнейших зарубежных контор Ганзы. При этом сам Новгород не был ганзейским городом. Новгородские власти и торговые люди оставались самостоятельными участниками отношений. Ганзейскому купцу приходилось учитывать собственные правила и одновременно порядок города, в котором он вёл дела. Эти два круга полномочий не совпадали. 6

Устав Немецкого двора называли скрой (скра). Его не составили раз и навсегда: известны редакции разных столетий, менялись обязанности гостей, порядок выборов и ведения общих дел. Уже в XIX веке их издал Генрих Берман, а в начале XX века Вольфганг Шлютер опубликовал корпус из семи редакций. Перед нами история вполне конкретной купеческой организации. И скра не превращала двор в независимое государство посреди Новгорода. 7

Долгое время историки знали устройство двора преимущественно по письменным свидетельствам. В 2021–2022 годах раскопки на Торговой стороне Великого Новгорода дали и материальные ориентиры: археологи исследовали деревянные конструкции, настилы и детали въезда. Они позволяют точнее представить расположение двора и его хозяйственное пространство. Археология показывает, где проходили люди и товары; правовые отношения между ними приходится по-прежнему восстанавливать по документам. 8

Из одного такого документа узнаём, что 10 ноября 1331 года купцы Немецкого двора написали Рижскому магистрату о тяжёлом столкновении в Новгороде. Они изложили свои претензии и просили помощи. Письмо составлено одной из заинтересованных сторон, и у нас нет столь же подробного рассказа новгородцев как другой стороны. Но в нём сохранилась подробность, которую было бы жаль потерять: по словам авторов, знакомые жители Новгорода заранее предупреждали отдельных иностранных купцов и советовали спрятать имущество в церкви. *Между людьми существовали связи, не совпадавшие с линиями торгового спора*. 9

После подобных случаев отношения не прекращались навсегда. Купцы обращались к городским властям, отправляли письма в другие балтийские города, ссылались на прежние соглашения. Торговля нуждалась в постоянном *восстановлении доверия*. Эту работу вели конкретные участники и нередко именно частные знакомства помогали сохранить то, чего не обеспечивал один устав.

Собственные торговые отношения с западными землями имел и Псков. Его положение нельзя свести к роли перевалочного пункта на пути в Новгород. 2 августа 1586 года здесь побывал немецкий путешественник Самуэль Кихель. Он описал торговый двор у реки, жильё гостей, проезд по воде и пограничный досмотр. В опубликованном русском переводе упомянут специально построенный для приезжих дом. 10

В записках Кихеля встречаются также сведения о регистрации торговых действий и порядке отъезда. Но не всё в его рассказе обязательно было увидено собственными глазами: исследователь А. Н. Кирпичников обратил внимание на возможные заимствования из более ранних описаний. Источник остаётся ценным, если различать личное наблюдение и сообщение, которым путешественник воспользовался. 11

Новгород и Псков за столетия выработали способы принимать чужих торговых людей, вести дела и улаживать разногласия. Эти способы не породили основу всех до единого моделей будущего взаимодействия на века. Они показывают другое: долговечность связей требовала учитывать множество мелочей, от помещений, транспорта, мест для ночлега, охраны, признанных представителей, правил до ежедневного труда людей, которые учились иметь дело друг с другом.

Мастер, заказчик, ученик

Торговец перевозил за море товары. С мастером было сложнее: его главное достояние оставалось при нём. Умение построить собор, расписать храм или отлить пушку нельзя было закупить в готовом виде, как дерево или металл. Приходилось договариваться с человеком, устраивать его работу и, если заказчик рассчитывал на будущее, добиваться передачи опыта тем, кто останется после отъезда мастера.

В письме Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому сохранился рассказ о Феофане Греке. Письмо написано после 1413 года, а известно по списку второй половины XVII века. Епифаний вспоминал, как Феофан изобразил константинопольский собор Святой Софии. Художник предупредил, что огромное здание нельзя перенести на лист во всей полноте, и выполнил небольшой рисунок. Московские мастера стали его копировать, соревнуясь и учась друг у друга. Сам рисунок не сохранился, зато сохранился редкий рассказ о передаче зрительного и профессионального навыка. 12

Феофан не был ни немцем, ни переселенцем в позднейшем смысле слова. Он приехал из византийской культурной среды и работал как православный художник. Этот эпизод нужен здесь потому, что показывает: *знания переходили от человека к человеку в работе, а не благодаря одному сходству веры или государственному распоряжению*. Чтобы новый приём стал своим, мало было однажды увидеть образец. Требовались ученики, работа, осмысление и время.

В 1475 году в Москву прибыл итальянский архитектор Аристотель Фиораванти. По летописному рассказу, посол Семён Толбузин разыскал его в Венеции и договорился платить десять рублей в месяц. Мастеру поручили построить Успенский собор Московского Кремля; в 1479 году строительство завершилось. Решение московского государя о создании собора, ставшего позднее главным символом города, стало возможным только после переговоров с человеком, который мог принять предложение или отказаться от него. 13

Образцом нового храма был Владимирский Успенский собор, но Фиораванти не ограничился повторением видимых форм. Летописец отметил его строительные приёмы и способы подъёма камня. Мы видим применение необычной для наблюдателя техники, однако не можем по одному рассказу определить, насколько прочно эти приёмы усвоили местные работники. Летопись рассказывает о созданном здании и работе иностранного мастера; о последующей жизни профессионального знания она говорит гораздо меньше, хотя точно это хотелось бы узнать. 14

О московской среде 1470-х годов писал и итальянец Амброджо Контарини. В его путевых записках упомянуты ювелир Трифон из Котора и архитектор Аристотель из Болоньи. Сам путешественник тоже был занят денежными расчётами, жильём и отношениями с кредиторами. В одном городе встречались люди разного происхождения и разных занятий, но возможности придворного зодчего и мастера, жившего собственным трудом, не были одинаковы. Принадлежность к кругу приезжих ещё не определяла положения человека. 15

Между тем торговые отношения с западными городами менялись по иной логике. В 1478 году Новгород вошёл в состав Московского государства. В 1494-м по решению Ивана III закрыли Немецкий двор; торговля восстановилась в 1514 году, уже при Василии III. Для ганзейских купцов это означало необходимость *заново согласовывать условия присутствия и торговли*. Тот же Иван III, который, с одной стороны, нуждался в итальянском архитекторе, мог, с другой стороны, ограничивать деятельность иностранного купеческого двора. Никакой общей и неизменной «политики к иностранцам» из двух этих решений не получается: задачи и участники были разными. 16

Василий III также обращался к иностранным дворам в поисках строителей и литейных мастеров. А. Л. Баталов приводит сведения о таком обращении к датскому королю в 1521 году. Пока этот случай известен нам по научному исследованию с отсылкой к документальной публикации; содержание самой дипломатической грамоты требует самостоятельной сверки, но пусть это сделают другие исследователи. Уже названный маршрут переговоров показывает, насколько многое отделяло желание нанять специалиста от его появления на стройке или у литейной печи. 17

К XVI веку купцы, послы, князья и мастера накопили разные способы сотрудничества. Торговые договоры обеспечивали обмен; профессиональный наём позволял получить нужное умение; совместная работа давала возможность его перенять. У каждого способа были свои ограничения. Именно поэтому в дальнейшем нам придётся смотреть не только на приглашение, но и на то, что человек действительно сумел сделать в России, оправдались надежды на передачу опыта или нет.

Кого позвали и кто приехал

Грамоты Ивана IV 1547 года возвращают нас к самому началу найма. В мартовском послании назван Якоб Кокершен; майская грамота была обращена к итальянским и немецким мастерам. Москва искала специалистов бумажного и оружейного дела. Желающим остаться надолго обещали дом и двор, тем же, кто соглашался служить определённый срок, — возможность по его окончании вернуться на родину. Для человека это были вполне осязаемые условия: жалованье, жильё, дорога и право не связывать с новой страной всю дальнейшую жизнь. Тексты, к сожалению, сохранились только в немецком переводе XVI века, а не в первоначальном русском автографе. 18

Посредником в европейском наборе выступал Ганс Шлитте. 31 января 1548 года император Карл V разрешил вербовать мастеров для русской службы. Но разрешение не обеспечивало дороги через Любек и ливонские земли: власти этих территорий имели собственные интересы и не стремились беспрепятственно усиливать восточного соседа. Между обещанием и приездом стояли границы, которыми не распоряжались ни русский государь, ни нанятый специалист. 19

История Шлитте требует особой осторожности. В академической публикации дипломатической переписки Ивана IV документы № 9 и 10 признаны подделками, связанными с самим посредником. Ещё одно письмо, помещённое под № 13 и датированное тем же 31 января 1548 года, вызывает исследовательский спор; Р. Фрэнчер также считает его фальсификатом. Иначе оцениваются грамоты 1547 года и разрешение Карла V, опубликованное под № 12. Из достоверной части корпуса ясно, что Москва искала мастеров и сталкивалась с препятствиями. Жаль, что по ней нельзя составить полный список действительно прибывших работников. 20

Почти в то же время у русской внешней торговли появился иной путь. В 1553 году путешествие Ричарда Ченслера положило начало прямым англо-русским контактам через Белое море. В 1555 году английские купцы оформили Московскую компанию. Её корпоративные права происходили от английской короны, торговые возможности на русской территории — от пожалований московского государя. *Купеческое предприятие существовало сразу в двух правовых мирах*. 21

По Белому морю шли товары, письма, сведения о людях и новых заказах. Но море оставалось трудным путём: нужны были суда, деньги на перевозку, склады, посредники, покупатели. Купеческие связи могли помочь и поиску мастеров, хотя сама компания создавалась ради торговли, а не ради заселения русских земель.

Не все пришлые люди попадали в Россию по приглашению. Во время Ливонской войны сюда привозили пленных, среди которых были ремесленники и купцы. Некоторые позднее получали разрешение работать и торговать, иногда обзаводились хозяйством. Такое изменение положения было существенно, но не делало первоначальное прибытие добровольным. История наёмного мастера, купца-гостя и бывшего пленного не может быть рассказана одним словом «переселение». 22

Исаак Масса, описывавший Московское государство на рубеже XVI–XVII веков, сообщал, что при Борисе Годунове бывшим ливонским пленникам из купеческой среды разрешали торговать, помогали деньгами и допускали устройство своей церкви. Это рассказ осведомлённого, но писавшего позднее наблюдателя, а не комплект поимённых жалованных грамот. Поэтому известие нельзя распространять на каждого ливонца. Однако оно показывает, что для устройства жизни нужны были разные основания: право заниматься прежним делом, средства, возможность исповедовать веру вместе с единоверцами. 23

Борис Годунов искал знания и другим путём — *отправлял за границу русских юношей.* В 1602 году воспитанники отправились в Англию; часть училась в Любеке. В письме любекского магистрата 1606 года упомянуты пять русских мальчиков, принятых на обучение. В 1613 году послам в Англии велели разыскивать прежних учащихся и добиваться их возвращения. Между отправкой и этим поручением прошли годы и произошла Смута. За это время молодые люди могли выучить язык, приобрести связи, привыкнуть к другой жизни. Как сложилась судьба каждого, сохранившиеся известия не сообщают. 24

Эта история неожиданно перекликается с судьбой приглашённого мастера. Государство могло оплатить дорогу и определить цель поездки. Но дальнейший путь человека зависел от работы, семьи, обстоятельств на месте и его собственных решений. Вернуть повзрослевшего ученика было не тем же самым, что когда-то отправить подростка учиться.

Новые границы Северо-Запада

27 февраля (9 марта) 1617 года Россия и Швеция заключили Столбовский мир. После Смуты Новгород, Старая Русса, Порхов и Ладога возвращались под власть русского государя, а передача Гдова завершилась лишь в 1621 году. Орешек, Ивангород, Ям, Копорье и Корела остались за Швецией. Устье Невы, где позднее возникнет Петербург, находилось тогда за пределами Российского государства. Границы изменились, а старые торговые дороги никуда не исчезли. Людям приходилось приспособлять привычные занятия к новому политическому порядку. 25

Если смотреть на эти земли по карте Петербургской и Новгородской губерний XIX века, легко ошибиться уже в самом начале рассказа. В XVII столетии таких губерний не существовало. Новгородский купец и человек, торговавший у устья Невы, находились под властью разных государей. Переход территории к другому государству менял судебные, имущественные и торговые условия, но не означал, что все жившие там люди куда-то переехали или стали говорить на другом языке, так устроен человек, что он максимально долго хочет сохранить привычные условия, если они приносили пользу.

Торговые статьи Столбовского договора специально оговаривали поездки купцов, пошлины и устройство дворов. Богослужение своей веры допускалось в помещениях торговых дворов, но отдельные церкви строить запрещалось. В опубликованном русском тексте есть особенно выразительная формула о людях шведского короля: *«какова они народу ни есть, русские или иные люди»*. Подданство не совпадало здесь с происхождением. Русскоязычный человек мог оказаться подданным шведской короны, оставаясь на месте, где жили его родные. 26

У впадения Охты в Неву, на шведской стороне, развивался город Ниен, рядом с которым находилась крепость Ниеншанц. История этого города важна не только тем, что здесь позже развернутся события Северной войны. В первой половине XVII века горожане добивались у шведской власти торговых прав и условий, способных привлечь новых жителей. Привилегии Ниена были пожалованы 20 сентября 1642 года и подтверждены 15 сентября 1647-го. За ними стояли просьбы, переговоры и вполне определённые хозяйственные ожидания. 27

Однако на Балтике у каждого города были собственные интересы. Ревель и Нарва заботились о своих торговых потоках, шведская администрация стремилась управлять движением товаров, а купцы искали выгодные пути. Исследование Энна Кюнга показывает, как распоряжения 1643 и 1648 годов меняли положение Ниена по отношению к соседям. Пожалованные права приходилось защищать и уточнять. Они не могли сделать новый центр торговли благополучным без участия самих жителей. 28

В городских протоколах 1648 года сохранились имена бургомистра Хиндриха Пипера и нескольких членов совета; среди участников заседаний встречается представитель шведской администрации Антони Юхан Нюрот. Другой документ — письмо генерал-губернатора Ингерманландии Карла Мёрнера королеве Кристине от 24 февраля 1646 года — касается языков, которыми должны были владеть городские должностные лица. *Шведский, немецкий, финский и русский языки были здесь частью практической жизни.* Но протоколы 1648 года и письмо 1646-го — разные источники; из них нельзя составить правдоподобный сценарий единого воображаемого заседания. 29

Ниен не был «ранней немецкой колонией» в том смысле, в каком это название позднее применяют к земледельческим поселениям. Его жители состояли под шведской властью и вели дела по городским правилам своего времени. Зато их история показывает, сколько переговоров требовалось там, где рядом жили и работали люди разных языков. На другом берегу политической границы Новгород продолжал участвовать в торговле с Балтикой. Менялись власти и правила, но связи между местами не исчезали вместе с очередным мирным договором.

От царского поручения до заводской печи

В 1631 году в Новгороде требовалось принять иностранных военных, поступавших на русскую службу. 11 октября патриарх Филарет писал царю Михаилу Фёдоровичу о том, как обеспечить их продовольствием. Местным властям предлагалось привлечь стрельцов и других жителей, способных покупать припасы и готовить пищу; на это разрешалось давать деньги взаймы. Государству на его стратегическом уровне были нужны военные специалисты. Городским людям предстояло решить гораздо более конкретную, простую, совсем земную задачу — чем их кормить. 30

Для участвовавшего в поставках человека такой заказ мог стать заработком. Но прежде нужно было найти продукты, собрать деньги, устроить доставку. Воеводе приходилось распределять поручения и отвечать за снабжение. Как проходили выплаты и удалось ли исполнить все распоряжения, из одного письма не видно. Однако оно показывает привычную для последующих десятилетий зависимость: приглашение иностранного служащего сразу вовлекало в дело местное хозяйство.

По мере расширения найма возрастало число учреждений, участвовавших в нём. Посольский приказ ведал дипломатическими связями; Иноземский приказ занимался соответствующими вопросами службы; воеводы отвечали за порядок и исполнение распоряжений на местах. Человеку, прибывавшему из другой страны, приходилось иметь дело с несколькими властями, каждая из которых решала свою часть вопроса. Граница ведомственных полномочий могла оказаться столь же ощутимой, как государственная граница. 31

29 февраля 1632 года Андрей Денисьевич Виниус, его брат Авраам и Елисей Вылкенис получили грамоту на устройство вододействующих железоделательных заводов в районе Тулы. Грамота позволяла начать предприятие. Чтобы появились готовые изделия, нужно было ещё

выбрать речку, устроить плотину и механизмы, найти руду, обеспечить печи древесным топливом и собрать работников. У правительства был расчёт на металл и оружие; у предпринимателей — собственный интерес к доходному делу. Ни одной стороне не было достаточно одного разрешения. 32

В 1636 году Виниус хлопотал о пропуске через Новгород и Псков примерно двадцати французских мастеров железного дела, ехавших из Нидерландов. В этом известии особенно хорошо видна сложность слова «иностранец». Происхождение мастера, место его найма и путь в Россию были разными обстоятельствами. Назвав всю группу «немецкими мастерами», мы потеряли бы как раз то, что сообщает источник. А для завода важнее было, сумеют ли нужные люди добраться до места работы. 33

В 1637 году прибыли четверо нидерландских мастеров с семьями — всего десять человек. Год спустя угольный мастер Янка Сеава получил разрешение возвращаться через Новгород после окончания службы. Вместе с ним ехали жена и трое детей. Работник мог исполнить контракт и уехать; семья возвращалась с ним. Такой исход не обязательно был неудачей государственного найма. Он лишь напоминает, что временная служба и желание остаться жить в стране — разные решения. 34

Власть рассчитывала, впрочем, получить от иностранца не только готовые изделия. Привилегия, выданная Петру Марселису и Филимону Акеме в 1644 году, обязывала обучать русских работников изготовлению продукции, не скрывая профессиональных приёмов. Для казны возможность готовить своих мастеров уменьшала будущую зависимость от найма. Для владельца и приглашённого работника знание оставалось частью их собственного профессионального преимущества. Ученик же мог выучиться только в том случае, если он хотел получить профессиональные знания, и если его полностью допускали к печам, инструменту и действительной работе. 35

Не всё осталось на уровне обещаний. В документах 1645 года о приёмке железных пищалей названы 328 орудий, причём эта цифра объединяет уже принятые и те, которые ещё предписывалось принять. Ещё 272 требовали последующей приёмки. Ведомость велела проверять длину, вес и качество изделий. Нельзя считать эти цифры окончательным объёмом выпуска завода. Но перед нами уже не только проект производства: орудия существовали, их измеряли и принимали по определённым требованиям. 36

Как непросто давалась передача мастерства, показывает дело 1646 года об ученике Кирюшке, пытавшемся измерить плавильную печь, чему препятствовал иноземный мастер. История известна по показаниям и позднейшим изложениям, а участники расходились в объяснении обстоятельств. Мы не вправе назначить виновного на основании такого материала. Зато сам предмет дела примечателен: знание устройства печи нельзя было приобрести, не приблизившись к ней и не увидев её в работе. Там, где договор требовал обучать, реальная практика могла создавать препятствия. 37

В заводских делах встречаются и вопросы веры. Виниус сообщал о намерении принять православие; одновременно складывались непростые отношения с прежними партнёрами. Заявленное намерение ещё не датирует самого перехода в другую конфессию. Для хозяйственных и религиозных обстоятельств требуются разные свидетельства. Они могли пересекаться в судьбе одного человека, но не обязательно объясняли друг друга. 38

Так в одной истории сошлись предприниматели, приглашённые мастера, русские ученики, местные перевозчики, чиновники и заказчики оружия. Деятельность завода приходится восстанавливать по грамотам, договорам, приёмным ведомостям и материалам разбирательств. Дата основания сообщает, с чего хотели начать. О том, что удалось сделать, рассказывают другие бумаги — иногда не самые торжественные, зато самые содержательные.

Работа заканчивается. Семья остаётся

Контракт на службу обычно имеет срок. Семейная жизнь не обязана ему подчиняться. Пока мастер строил завод, а офицер служил в полку, у них рождались дети, появлялись друзья и соседи, менялось имущество. Окончание работы могло означать возвращение домой, поиск нового заработка или начало жизни, уже не связанной с прежним нанимателем. Поэтому историю приезжих нельзя восстановить только по назначениям и расчётам жалованья.

У такого соседства были и правовые пределы. Соборное уложение 1649 года запрещало обозначенным в соответствующей статье «немцам» и «немкам-вдовам» покупать либо брать в залог дворы русских людей в определённых районах Москвы — Китай-городе, Белом и Земляном городах и загородных слободах. Кирхи, устроенные на немецких дворах внутри города, предписывалось снести; новые разрешали устраивать за Земляным городом, вдали от православных храмов. Другой статьёй запрещалось поступление православных русских людей в холопство к «некрещёным» иноземцам. В языке московского права это обозначение могло относиться и к неправославным христианам; читать его как современное буквальное «не принимавшие крещения» было бы, конечно, ошибкой. 39

Эти ограничения не означали общего запрета иностранцам работать в России. Купцы, военные и мастеровые приезжали по разным основаниям. В том же 1649 году, 1 июня, отдельный указ ограничил торговлю английских купцов во внутренних городах, оставив предусмотренный порядок через Архангельск. Среди причин назывались жалобы русского купечества и реакция на казнь английского короля Карла I. К службе иностранного врача или литейщика этот торговый акт непосредственно не относился. 40

В 1652 году московская власть приступила к устройству Новой Немецкой слободы. Указ 4 октября распределял дворные места между разными категориями жителей, отдельно упоминая вдов и небогатых «немцев». Государство определяло пространство проживания, но то, как возникнет жизнь внутри него, зависело уже от самих людей: от работы, семей, прихода, отношений с соседями и городом. На одной территории жили выходцы из разных стран и разных христианских исповеданий. Название слободы не делало их единой по происхождению группой. 41

Слобода давала возможности, которых одинокому приезжему могло не хватать. Через знакомых находили работу, искали нужного мастера, собирались на богослужение. С другой стороны, запись о дворе ещё не сообщает, где родился его хозяин, на каком языке говорили в семье и с кем вступали в брак дети. Для ответа нужны другие документы: метрические книги, имущественные записи, прошения и сведения о последующих адресах.

Особенно выразителен контракт капитана Давида Бутлера, заключённый в Амстердаме в феврале 1667 года. Ему предстояла служба на Каспийском направлении; договор определял четыре года и жалованье в сто голландских гульденов ежемесячно. Но рядом с военными условиями подробно говорилось о жене и детях. Оговаривались расходы на их проезд и содержание, выплаты на случай болезни и помощь вдове, если капитан погибнет. Наниматель рассчитывал получить опытного моряка. Моряк добивался уверенности, что вместе с ним не окажется без защиты его семья. 42

Далее предстояло строить корабль — срубить лес, найти плотников, доставить снасти, инструменты и продовольствие. Всё это делали люди, не участвовавшие в амстердамском разговоре о капитанском жалованье. Когда контракт заканчивался, служащий мог воспользоваться оговорённым правом отъезда, но работа других участников и хозяйственные последствия заказа продолжались.

И дети приезжих не оставались навсегда в том положении, которое занимали их родители. Родившийся в России ребёнок мог получить другое образование, выбрать иную профессию, породниться с соседями. Мог и сохранить домашнюю речь и конфессиональную принадлежность семьи. Ни изменение фамилии в записи, ни принадлежность к приходу по отдельности не доказывают полного слияния с окружающим обществом или непреодолимой

обособленности. В каждом поколении эту историю приходится читать по собственным свидетельствам.

Московская Немецкая слобода не служила проектом будущей земледельческой колонии. Однако она позволяет увидеть важный переход: приехавший по службе человек мог оставить после себя не только выполненный заказ, но и дом, родственные связи, детей с собственной судьбой. Долгая история присутствия начиналась именно здесь — за пределами первоначального контракта.

Как договаривались и кто исполнял договорённости

К последней трети XVII века жизнь с приезжими регулировалась уже множеством бумаг: торговыми грамотами, личными договорами, разрешениями на заводы, распоряжениями об отводе земли и о богослужении. Однако ни одно учреждение не могло выполнить все обещания само. Нужно было согласовывать действия ведомств, переводить условия, распределять деньги, учитывать требования русских и иностранных участников.

Новоторговый устав 1667 года обычно вспоминают как акт, защищавший интересы русского купечества. Но исследователь А. И. Андреев обратил внимание на рукописное место, не вошедшее в печатную редакцию Полного собрания законов. В нём речь идёт о том, чтобы вести полезную торговлю *«с честными иноземцы, с пограничными соседи и з заморскими»*. Составители не обещали равенства всем торговцам; они признавали, что при определённых условиях отношения с иностранными партнёрами способны приносить пользу. Защита собственных интересов и желание торговать не исключали друг друга. 43

История самого устава показывает, сколько труда требовалось после его составления. По исследованным Андреевым рукописям, 22 апреля 1667 года текст выдали из Посольского приказа, 24 апреля с ним познакомили иностранных купцов, а 7 мая огласили русским торговым людям. Каждому действию соответствовали свои исполнители, перевод и передача текста. Закон, о котором участники ещё не знали, не мог стать для них повседневным правилом. 44

В этой работе участвовал Андрей Андреевич Виниус — сын заводчика Андрея Денисьевича. Отец занимался железным производством и поиском мастеров; сын использовал знание языков в переговорах и делах московских учреждений с зарубежными купцами. Перед нами два поколения и две разных профессии. Семья сохранила навыки, полезные на пересечении культур и хозяйственных порядков, но передала их не в виде неизменного занятия, а как возможность выбрать новое. По этим сведениям нельзя решить, насколько сами Виниусы считали себя обособленными от окружающей среды. Можно достоверно увидеть, как менялась сфера приложения их знаний. 45

В 1672 году придворное поручение получил пастор Иоганн Готфрид Грегори. Ему велели подготовить театральное представление по библейской книге Есфирь — «Артахсерксово действо». Документы о постановке и расходах позволяют представить необходимую работу: перевод текста, обучение исполнителей, подготовку представления, участие русских служащих и учеников. Поручение называло иностранного руководителя; созданное им дело зависело от значительно более широкого круга людей. И не стоит предполагать, что участники уже видели за придворным заказом будущую историю русского театра. Они исполняли конкретную работу своего времени. 46

У шотландца Патрика Гордона заботы были иными. Он давно служил в России и к январю 1678 года надеялся получить отпуск. Вместо него последовало назначение в Чигирин. В дневнике офицера сохранились его ходатайства, разговоры о жалованье и попытки добиться исполнения обещанного. Для военного начальства опыт Гордона был полезен; сам он рассчитывал распорядиться частью собственного времени. Дневник сообщает его взгляд на происходящее, не превращаясь от этого в беспристрастное изложение позиции начальства. 47

Тем временем в Новгороде и Пскове продолжались дела шведских торговых дворов. В выписке Посольского приказа, составленной не позднее 27 мая 1684 года, были собраны мате-

риалы разных лет: обсуждение пошлин, денег на строительство, расположения дворов и прав на земельные участки. Шведский король прислал средства для каменного двора в Новгороде; представители шведской стороны просили не облагать эти деньги пошлиной как обычную торговую выручку. Мы знаем о просьбе, но сама выписка не удостоверяет, что освобождение было предоставлено. 48

В Пскове дело оказалось ещё сложнее. Нужно было определить место двора, оценить строения и согласовать их передачу. Один из владельцев участка, Иван Спиоров, не соглашался уступить землю. В 1685 году земские старосты Иван Котельников и Иван Кулаткин вместе с посадскими людьми оценили каменное здание шведского гостиного двора на Завеличье в 900 рублей. Сама оценка известна из более поздней отписки воеводы М. Г. Ромодановского, составленной не позднее 26 июля 1686 года. Раннюю отписку издатели не нашли. 49

Сумма в 900 рублей уже называлась при оценке каменной палаты с погребам в 1671 году; деревянные постройки тогда считали отдельно. Шведский королевский приказчик Даниил Стевен не соглашался внести названные деньги без распоряжения своего государя и полагал цену чрезмерной. На момент сохранившегося сообщения платёж не состоялся. Позднейшего удостоверения окончательного расчёта опубликованный материал не содержит. Перед нами не обычная продажа частного дома, а многолетнее согласование казённых притязаний, городской оценки и полномочий иностранного представителя. 50

В этом деле примечательны и сами участники. Местные старосты знали цену строения, воевода сообщал о результатах в Москву, шведский приказчик зависел от отсутствующего королевского распоряжения. Подписи, оценки и письма соединяли людей двух государств вокруг нескольких каменных помещений. Позднейшие немецкие колонии будут иметь своих выборных должностных лиц, но сходство названий не означает преемственности институтов. Псковские старосты действовали в собственном правовом порядке, и их работа заслуживает внимания сама по себе.

События эти никак не укладываются в один список «иностранных успехов». Придворная постановка, просьба офицера об отпуске и спор о торговом дворе мало похожи друг на друга. Их объединяет практическое обстоятельство: *решение власти приобретало смысл только тогда, когда появлялись люди, способные его исполнить, оспорить, уточнить или продолжить*. История присутствия приезжих складывалась из таких отношений гораздо больше, чем из торжественных формул.

Мир, в который вошёл Пётр

К концу XVII столетия в России давно существовали торговые дворы, иностранные слободы, заводы и полки с приглашёнными офицерами. В приказах служили переводчики; на строительстве и производстве работали мастера из разных стран. Люди знали, как нанять специалиста и как оформить торговое разрешение, хотя результат не всегда совпадал с намерением. Существовали и семьи, чья жизнь в России уже не укладывалась в срок первоначального договора.

У каждого такого опыта был свой хозяин. Купец знал, кому доверить товар и где искать взыскания долга. Переводчик понимал, как люди по-разному могут прочесть одно и то же обязательство. Литейщик владел приёмами, которых не было в государственной грамоте. Женщины и дети сохраняли семейные связи и устраивали повседневную жизнь, пока мужчины исполняли службу. Большая часть этих знаний не была собрана в единой государственной программе. Они жили вместе с людьми и менялись по мере их дел.

История Винуиусов позволяет увидеть это особенно отчётливо: отец создал железоделательное предприятие и приглашал мастеров, сын оказался нужен московскому управлению как знаток языков и переводчик. Между ними существовала семейная преемственность, но вовсе не неизменность профессии. А среди других приезжих были люди, прибывшие по найму, вре-

менные торговые гости, переселившиеся семьи и бывшие пленники. Объединять их одинаковой судьбой значило бы стереть важнейшие различия. 51

Смена правителей не остановила уже начавшуюся работу. При Фёдоре Алексеевиче иностранные военные продолжали службу, а при регентстве Софьи в Новгороде и Пскове разбирали старые торговые дела. Эти решения принимались ради потребностей своего времени. Их участники не могли знать, что историки впоследствии станут оценивать всё происходившее прежде всего как подготовку преобразований Петра.

30 апреля 1690 года молодой Пётр обедал в доме Патрика Гордона в московской Немецкой слободе. Встреча известна по дневнику шотландского офицера и датирована в научной биохронике царя. К тому времени Гордон прожил в России много лет, занимал своё место на службе, приобрёл связи и устроил семейную жизнь. Пётр пришёл в общество, существовавшее задолго до его визита. Это обычное для участников событие напоминает о важном обстоятельстве: история сотрудничества не началась с появления будущего императора за столом офицера. 52

При Петре масштабы изменятся. Северная война потребует офицеров, инженеров, корабельных мастеров, заводских работников и людей, которые смогут учиться у них. Придётся организовать перевозки, снабжение, строительство и подготовку собственных специалистов на совершенно ином уровне. Но даже государь, располагавший большими полномочиями, не сможет заменить одной подписью работу преподавателя, мастерство литейщика или согласие человека оставить прежнюю жизнь.

Эта предыстория не ведёт прямой дорогой к екатерининским манифестам. Новгородские купцы подтверждали мир ради собственной торговли. Иван III пригласил Фиораванти, потому что хотел построить собор. Виниус и его партнёры устраивали производство и искали работников. Жители Ниена добивались у шведской власти условий для городского хозяйства. Никто из них не действовал ради немецких земледельческих колоний, которые появятся значительно позже.

И всё же в их делах обнаруживается вопрос, который пройдёт через всю нашу книгу. **Что требуется, чтобы приезд человека из другой земли не остался одиночным эпизодом?** По одному договору можно получить мастера на несколько лет. Чтобы после него остались работа, дом, школа, приход, ремесло или хозяйство детей, нужен более долгий и сложный круг человеческих отношений.

Пётр унаследовал страну, где такие отношения уже умели устанавливать, пусть далеко не всегда удачно. Ему достались и старые затруднения: как найти нужного человека, обеспечить его дорогу, добиться передачи навыка, согласовать интересы приезжих и местных жителей. Северная война сделает эти вопросы настоятельными. На карте ещё нет Петербурга, но скоро именно на невских берегах развернётся работа, в которую будут вовлечены люди из самых разных земель. С этого начинается следующая глава.

ГЛАВА 1

От Петра I до Екатерины II. Война, обучение и становление сообществ

«...научаться, поныне им неизвестным познаниям...»

Манифест Петра I о вызове иностранцев в Россию, 16 апреля 1702 года.53

16 апреля 1702 года, на втором году Северной войны, Пётр I подписал манифест, обращённый к иностранцам, готовым приехать в Россию на службу или заняться полезным для страны делом. Государь обещал им определённые права, защиту и условия, при которых переезд имел смысл. За этим приглашением стояла насущная военная потребность. После поражения под Нарвой России нужны были офицеры, инженеры, артиллеристы, корабельные и оружейные мастера — люди, которые уже владели делом, освоить которое предстояло тысячам русских работников.54

Пушку можно было приобрести за границей. Гораздо труднее было наладить её изготовление, подготовить литейщиков, обеспечить завод сырьём, а армию — исправными орудиями и обученной прислугой. То же относилось к кораблям. Купить судно или нанять капитана ещё не означало обзавестись флотом, способным год за годом выходить в море. Пётр искал мастеров, за которыми в Россию придут знания и способы работы, доступные затем новым и новым местным ученикам.

Однако приглашение иностранцев не было петровским открытием. Как мы видели в Прологе, новгородские купцы веками имели дело с людьми из-за Балтики, московские государи нанимали военных и ремесленников, а в XVII столетии приезжие предприниматели основывали заводы. Пётр унаследовал этот разнообразный опыт — вместе с неразрешёнными вопросами о найме, деньгах, вере, праве отъезда и совместной работе. Изменились масштаб потребностей и настойчивость, с которой государство принялось искать ответы.

Первые учителя

В начале этой истории стоит небольшой прибор: в 1687 году молодой Пётр попросил князя Якова Долгорукова, отправлявшегося во Францию, приобрести астролябию. Весной следующего года её привезли в Россию. Но воспользоваться покупкой оказалось некому: рядом не нашлось человека, который мог бы научить царя измерять углы и применять необходимые для этого геометрические знания. Так, по позднейшему рассказу самого Петра, начались его поиски учителя.⁵⁵

Посредником стал врач, известный в источниках по имени ван дер Гульст. Он познакомил Петра с голландцем Францем Тиммерманом, у которого тот занялся математикой, геометрией и начал знакомиться с фортификацией. Прибор перестал быть диковиной и сделался средством работы. Этот эпизод известен по воспоминанию, записанному много лет спустя и опубликованному Н. Г. Устряловым; отдельные его подробности нельзя, конечно, читать как поминутный дневник 1688 года. Но сама последовательность — интерес, приобретённая вещь, отсутствие умения и поиски наставника — была для Петра настолько важна, что он сохранил её в памяти.⁵⁶

В Измайлове вскоре обнаружили старый английский бот. Тиммерман мог объяснить, что представляет собой судно, но для ремонта и обучения хождению под парусом понадобился другой человек — Карштен Брандт, работавший ещё при Алексее Михайловиче. Несколько занятий, которые потом легко объединить словами «петровское корабельное увлечение», на деле требовали совершенно различных знаний. Геометр учил измерять, мастер приводил в порядок корпус и оснастку, а управление лодкой приходилось осваивать на воде.⁵⁷

Задним числом этот бот часто называют первым символическим шагом к Балтийскому флоту. В конце 1680-х годов такой цели ещё не существовало: Северная война не началась, Петербург не был основан. Перед Петром открывалась гораздо более простая и трудная истина. Для работы с новым инструментом недостаточно иметь сам инструмент. Нужен тот, кто умеет им пользоваться, и время, чтобы перенять его искусство.

Через несколько лет урок повторился в военном деле. В 1695 году русские войска осадили Азов, османскую крепость, получавшую припасы по воде. Первая осада окончилась неудачей. К следующему походу требовалось подготовить не только новые силы, но и инженерные работы, осадную артиллерию, суда, способные затруднить снабжение крепости. И даже такие задачи нельзя было поручить человеку, которого именовали просто «мастером».⁵⁸

5 ноября 1695 года Иван V и Пётр I направили бранденбургскому курфюрсту Фридриху III грамоту с просьбой прислать двух инженеров, двух подкопщиков и четырёх бомбардиров. Восемь специалистов, восемь заранее определённых мест в военном предприятии. Документ сохранил потребность русского командования, но не удостоверял прибытие всех восьми. Между просьбой курфюрсту и действительной службой лежали переговоры, дорога, назначение и оплата, и далеко не каждый этап одинаково хорошо отражён в источниках.⁵⁹

Ко второму походу в районе Воронежа строили корабли и галеры. Требовались лес и железо, канаты, снасти, подводы, плотники, кузнецы, команды. Работники получали плату или исполняли возложенную повинность — обстоятельство, нередко теряющееся за рассказом о стремительном создании флота. В 1696 году Азов был взят. Военный успех не отменял расходов, уже понесённых людьми, собиравшими материалы и доставлявшими их к верфям.⁶⁰

20 октября того же года Боярская дума постановила: «Морским судам быть». В короткой формуле запомнилось решение, но строительство складывалось из множества длинных и будничных дел. Декабрьские правила распределяли обязанности по деньгам, лесу, постройке судов и обеспечению команд. Позднее южная морская программа встретила политические ограничения; после Прутского мира 1711 года её свернули. Опыт корабельного дела остался, хотя сами верфи не могли вместе с мастерами переехать к Балтике.⁶¹

В 1697 году Пётр отправился с Великим посольством в Европу. Дипломатическая цель состояла в расширении союза против Османской империи; участники одновременно закупали оборудование, посещали мастерские, учились и разыскивали людей для русской службы. На верфях можно было увидеть, как разделён труд корабельного мастера, подмастерья, плотника и чертёжника, каким образом проверяют сделанное и как учат следующего работника.⁶²

Инструкция русским «волонтёрам», составленная в начале января 1697 года, предписывала овладеть навигацией, картами, компасом и управлением судном; кораблестроение считалось особым достоинством. Формулировки были деловыми. Отправленному за границу предстояло не познакомиться с Европой вообще, а освоить занятия, в которых российская служба испытывала недостаток. Успех зависел от того, попадёт ли ученик к опытному мастеру, допустят ли его к настоящей работе и найдётся ли применение выученному специалисту после возвращения.⁶³

Пётр вёл переговоры лично, и его письма позволяют увидеть, как трудно давался набор. 11 июля 1697 года он писал Андрею Андреевичу Виниусу из Колберга о найденном работнике и затруднениях с железными мастерами. 10 сентября из Амстердама сообщал о людях, умеющих делать ружья и замки; специалистов для пушечного и бомбового литья всё ещё не хватало. Поискам помогал бургомистр Николаас Витсен. Даже пребывание русского царя среди европейских верфей и мастерских не превращало желанный набор в немедленное исполнение.⁶⁴

15 января 1698 года корабельный мастер Ост-Индской компании Геррит Клас Поол выдал Петру, работавшему под именем Петра Михайлова, свидетельство о занятиях на амстердамской верфи. Оно подтверждало полученную подготовку. Сам Пётр, однако, считал, что в Голландии ему не хватало понимания расчётной стороны кораблестроения, и продолжил учение в Англии. В этих двух оценках нет необходимости искать неразрешимое противоречие: научиться делать по образцу и научиться самостоятельно рассчитывать конструкцию — разные достижения.⁶⁵

Война и приглашение 1702 года

К концу 1690-х годов менялось направление внешней политики. Обязательства союзников и переговоры с Османской империей открывали России возможность вступить в борьбу со Швецией за Балтику. В августе 1700 года началась Северная война. Германские земли не составляли в ней единой стороны: саксонский курфюрст и польский король Август II выступал союзником Петра, тогда как другие правители имели собственные интересы. Язык приезжего офицера ничего сам по себе не говорил о том, чьему государю он служил.⁶⁶

Поражение под Нарвой дорого обошлось русской армии. Была потеряна значительная часть артиллерии; нужно было заново отливать пушки, искать металл, готовить артиллеристов, доставлять орудия и припасы к войскам. Армия, которая должна воевать не один сезон, требует постоянной работы заводов и мастерских. И людей, способных учить военному делу, тоже приходится удерживать на службе.⁶⁷

Манифест 16 апреля 1702 года отвечал именно на эту обстановку. Военным специалистам обещали безопасный проезд и, при предъявлении необходимых свидетельств, казённые подводы от границы до Москвы для них самих, сопровождающих и багажа. В тексте упоминались пути через Киев, Смоленск и Псков. Приезжему важно было знать, где начинаются обязательства русского государства: дальняя дорога проходила через территории с разными властями, а прежнее место службы ради нового приходилось оставлять заранее.⁶⁸

Не менее существенно говорилось о богослужении. Иностранцам-христианам разрешалось исповедовать свою веру публично и дома, пользоваться служением духовных лиц, обращаться за дозволением строить церкви. Для человека, собиравшегося приехать с семьёй, это было условие самой повседневной жизни. Детей нужно было крестить, супругам — устраивать брак по своему обряду, умерших — хоронить. Такая свобода не означала равноправия вер в современном смысле и не обеспечивала каждому приезжему готового прихода, пастора или здания. Всё это предстояло устроить на месте.⁶⁹

Манифест затрагивал и судебный порядок для иностранного военного штата. В нём описывались способы разбирательства, военные советы и суды, правовые нормы, которые предполагалось учитывать. Эти положения нельзя принимать за свидетельство того, что каждое названное учреждение уже действовало, и распространять их на всякого купца или ремесленника. Наконец, иностранцам обещали возможность увольнения по порядкам, принятым у европейских монархов. Безусловного права прервать службу в любой день документ не давал: многое зависело от личного соглашения.⁷⁰

Условия у разных категорий приезжих были неодинаковы. Военный, снабжённый соответствующими бумагами, мог рассчитывать на подводы. Проезд купца или мастерового столь же подробно не обеспечивался. Не существовало и единого оклада для всех иностранных специалистов, как не обещались им общие земельные наделы. Размер вознаграждения определяли конкретные переговоры и контракт. Поэтому разумно читать манифест как приглашение к договору, а не как готовое описание жизни каждого, кто на него откликнулся.⁷¹

Есть ещё одна важная текстологическая подробность. Русская редакция манифеста, которую обычно цитируют, дошла до нас в поздней публикации Полного собрания законов Российской империи. Историк Михаил Киселёв сопоставил её с ранним немецким текстом и показал расхождения, в том числе в словах о целях приглашения. Знакомые по русскому изданию формулы нельзя автоматически считать буквальным переводом первоначального объявления. Это не лишает манифест значения; напротив, побуждает внимательнее читать точные обещания и их адресатов.⁷²

На Северо-Западе война вскоре изменила саму карту. Осенью 1702 года русские войска взяли Нотебург — бывший Орешек. Весной 1703-го пал Ниеншанц, а в мае началось основание Петербурга. В 1704 году был взят Нарвский укрепленный пункт, в 1710-м — Выборг. Швеция признала уступку значительной части этих земель только по Ништадтскому миру 1721 года. Почти два десятилетия новый город, его укрепления, гавани и верфи приходилось строить внутри продолжающейся войны.⁷³

Победа под Полтавой в 1709 году не устранила нужды в кораблях и морских специалистах. Балтийский флот предстояло создавать, вооружать, чинить и содержать, а армейские части — снабжать на новых направлениях. Чрезвычайные военные работы превращались в постоянные хозяйственные занятия. В них участвовали и люди, прибывшие по приглашению, и местные жители, чьи обязательства перед государством имели совершенно иную правовую природу.⁷⁴

Железо, корабли и люди, без которых они не появятся

Государство искало в Европе людей не только для службы в полках. Ещё 7 мая 1695 года Иван V и Пётр I отправили Матвея Поппу с образцами руды в германские земли: необходимо было понять, какой металл можно получить из местного сырья и каким способом. Оценка

специалиста могла помочь выбрать направление работ, но сама по себе не создавала завода. За ней следовали поиски топлива, устройство плотины, постройка печей, набор рабочих и первые испытания продукции.⁷⁵

Для Петербурга особое значение приобрели Олонецкие заводы и пути, связывавшие Свирь, Ладогу и Неву. Город ещё только строился, а где-то в стороне от него добывали руду, заготавливали уголь и лес, лили металл, изготавливали железные детали и перевозили их по воде. За словом «вооружение» скрывалось много работ с собственными сроками и исполнителями. Иностраный литейщик составлял только часть этого большого хозяйства: рядом нужны были русские кузнецы и плотники, добытчики, возчики, подённые работники, ученики.⁷⁶

Виллим Геннин оказался одним из людей, чья деятельность связывала производство, военную инженерию и управление рабочей силой. Ему приходилось одновременно заботиться о выплавке и о подготовке работников, добиваться приезда специалистов и разбираться с возможностями местного хозяйства. Благодаря его деловой переписке мы видим завод не как исполнение единственного царского повеления, а как место ежедневных решений: чем топить, кто выйдет к печам, кому и за какую работу платить, когда будет готов заказ.⁷⁷

В декабре 1719 года Берг-привилегия установила правила поиска и разработки полезных ископаемых; январский манифест 1720 года продолжил эту линию, в том числе применительно к иностранным участникам горного дела. Государство расширяло возможности предприятия, но даже хорошо составленная привилегия не могла обещать годную руду и своевременную поставку дров. Качество производства выяснялось позже — в ведомостях, приёмных записях, жалобах на простои и расчётах расходов.⁷⁸

Собственная квалификация была для приглашённого мастера способом заработать и защитить своё положение. Казне же хотелось получить результат, который не исчезнет вместе с ним. Отсюда постоянное требование обучать российских людей. Но между предписанием «научить» и действительным овладением ремеслом лежали доступ к инструменту, участие в трудной операции, ошибки, исправления, доверенная самостоятельная работа. Высокого оклада иностранца ещё недостаточно, чтобы узнать, чему научились его помощники.⁷⁹

В морском деле эта зависимость была ещё заметнее. 24 марта 1703 года Выбе Геренс заложил на Олонецкой верфи на Свири фрегат «Штандарт». Петербургской крепости тогда ещё не существовало. Один из первых кораблей будущего Балтийского флота строили вдали от той столицы, с которой позднейшая память прочно связала его судьбу. На Свирь везли лес, железо, снасти, хлеб; здесь собирались люди различных ремёсел и обязанностей.⁸⁰

Корабль нельзя было построить одним корабельным мастером. Надо было срубить и привезти лес, изготовить гвозди, крепёж, якоря, сплести канаты, сшить паруса, доставить орудия, набрать команду. Сохранились ведомости о сборе людей и средств с городов, приписанных к Олонецкой верфи в 1703–1707 годах. Они напоминают о цене быстрого судостроения для местного населения. Часть людей работала за плату, других привлекали в счёт повинностей. Назвать всех участниками одинаково выгодного предприятия было бы неправдой.⁸¹

В 1704 году начали строить Петербургское адмиралтейство. Новая верфь росла, но работы на Свири и в других местах продолжались. И даже спущенное на воду судно ещё не было боевой единицей: его следовало оснастить, вооружить, снабдить провизией, укомплектовать командой и провести к месту службы. Поэтому в истории флота важно отличать заложенные корабли от готовых к плаванию, а готовые к плаванию — от действительно введённых в боевой строй.⁸²

Сама война придавала работам неровный ритм. Одни заказы требовалось исполнить к определённой кампании, другие можно было закончить лишь после подвоза материалов. В 1714 году русские гребные силы одержали победу у Гангута. Она изменила положение на море, но не отменила повседневных забот верфей: суда изнашивались, экипажи нуждались в пополнении, мастера — в помощниках. Флот, как и завод, был делом длительным.⁸³

От ученика к самостоятельному мастеру

Пока на верфях не хватало опытных людей, в Москве пытались создать собственную школу. Решение обучать математическим и навигацким наукам было принято 14 января 1701 года. Учеников собирали с разной подготовкой; кому-то приходилось начинать с самых первых действий арифметики, прежде чем переходить к карте, измерению или морской практике. Школа нуждалась не только в царском покровительстве, но и в учителях, книгах, времени для занятий.⁸⁴

В 1703 году вышла «Арифметика, сиречь наука числительная» Леонтия Магницкого. Она стала русским пособием для последовательного обучения счёту. Само наличие учебника, разумеется, не делало ученика штурманом, зато давало возможность возвращаться к объяснёному и учиться без постоянного присутствия иностранного наставника. Уровень подготовки предстояло проверять экзаменами и, в конце концов, самой службой.⁸⁵

С 1715 года в Петербурге действовала Морская академия. Она расширила круг людей, которые могли получить профессиональное образование дома, но заграничные поездки не прекратились: опытная иностранная верфь по-прежнему давала доступ к работе, ещё мало освоенной в России. Учиться за границей означало зависеть от выделенных денег, наставника, переводчика, обстоятельств дороги. Труднее всего было добиться такого результата, чтобы вернувшемуся человеку действительно доверили дело.⁸⁶

Федосей Склеяев позволяет проследить этот путь по документам. Он учился на европейских верфях, участвовал в корабельных занятиях Петра, затем получил самостоятельные поручения в российском судостроении. Свидетельство от 23 ноября 1707 года закрепило за ним звание корабельного мастера. В последующей переписке появляется уже не ученик, показывающий освоенное, а специалист, которому поручают судно и который отвечает за его постройку.⁸⁷

В мае 1707 года Пётр и Склеяев обменивались письмами о шняве «Лизет». Государь требовал закончить определённые работы, мастер сообщал о подготовке шпангоутов и присылал чертёж. За сухими строками переписки — тот момент, которого не увидишь в торжественном указе о посылке ученика за море. Переданное знание стало самостоятельным трудом. Человек, которому когда-то показывали способы корабельной постройки, теперь сам принимал решения, от которых зависела работа других.⁸⁸

Практическое применение школьных знаний выходило за пределы флота. В указе 12 декабря 1708 года ученикам математической школы поручалось участие в проложении дороги. Документ свидетельствует о намерении использовать их навыки измерения на местности.⁸⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.